

К.В. Хвостова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ*

Структура и особенности византийской земельной собственности, как и многие другие проблемы социально-экономического развития Византии, в настоящее время слабо дискутируются в византиноведческой литературе. Это объясняется, вероятно, тем особым вниманием к человеку, которое характерно для современной исторической науки. Интерес к событийной истории явно превалирует над интересом к истории социальных институтов, тенденций, традиций. Но ведь человек функционирует в обществе, и этот факт предполагает рассмотрение многих внешних детерминирующих по отношению к поведению отдельных личностей факторов, в том числе поземельных отношений и института собственности. Существует и эпистемологическое обоснование необходимости изучения названной проблематики. Акцентирование внешних детерминирующих факторов социального поведения человека отвечает современным стремлениям к целостному (холистскому) подходу к истории, с одной стороны, и к междисциплинарным исследованиям – с другой. Поэтому следует приветствовать то пока еще слабое, но все же заметное оживление когда-то одной из ведущих в историографии тенденций к изучению византийских социальных структур и институтов, которые, будучи созданными в результате деятельности человека, в любую эпоху отчуждаются от него и противостоят ему в его частной и социальной жизни. Исходя из сказанного, обращаемся к рассмотрению некоторых недостаточно изученных и, на наш взгляд, спорных вопросов византийской земельной собственности¹.

Известно, что в классическом римском праве собственность юридически отличалась от владения. Однако собственник, как правило, являлся одно-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект 04-01-00210а.

¹ Целесообразно отметить следующие работы последних лет, посвященные проблемам как византийской земельной собственности, так и проблемам других проявлений византийских социально-экономических отношений: *Литаверин Г.Г.* К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии X–XI вв. // ВВ. 2000. Т. 59; *Хвостова К.В.* Сакральный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов. К вопросу о роли богословия в формировании социума в Византии // ВВ. 2000. Т. 59; *Papagianni E.* Legal Institutions and Practice in Matter of Ecclesiastical Property // DOS. XXXIX. Washington, 2001; *Pallagean E* Γονική. Note sur la propriété allodiale à Byzance // Byzantium State and Society. In Memory of Nicos Oikonomidès / Ed. A. Avraeva, A. Laiou, E. Chrysos. Athèn, 2003. Примечательно, что на Парижском международном византиноведческом конгрессе 2001 г. говорилось о необходимости обратить специальное внимание на проблему византийской собственности.

временно и владельцем земли, которая находилась у него в собственности². Если же он оказывался лишенным владения, то сохранял только право собственности, “голую собственность”³. Достаточно распространено мнение, согласно которому в Византии доминировала полная безусловная собственность на землю⁴. Действительно, такая собственность, являющаяся юридически полным господством над вещью⁵, но имевшая на практике ряд ограничений⁶, видимо, играла решающую роль в Византии.

В разные периоды византийской истории изменялась та роль, которую в общественных отношениях играла земельная собственность и другие вещные права, в первую очередь владение. Менялись также понятийный аппарат и терминология, соответствующие собственности и владению. Новое понимание собственности и владения в период между Диоклетианом и Юстинианом позволило назвать соответствующий период эпохой вульгарного права⁷. Естественно, данное наименование является условным и недостаточно точным.

В период вульгарного права, как отмечают специалисты, содержание понятий “собственность” (*dominium*) и “владение” (*possessio*) меняется, они употребляются в расширенном значении, нередко имея один и тот же смысл фактического контроля над землей⁸. При этом термин *possessio* получает значительно большее распространение, он постоянно употребляется не только в значении “собственность”, но означает и некоторые *jura in re aliena* классического римского права, а именно: узуфрукт (*хресис*), эмпфитевсис, суперфиций и сервитуты. Сближение содержаний понятий “собственность” и “владение”, смешение соответствующих терминов⁹ свидетельствует об известном уменьшении различия между понятиями “*jure*” и “*facto*”¹⁰.

² Levy E. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1950. P. 62.

³ Хвостов В.М. История римского права. М., 1911. С. 409; Levy E. *Op. cit.* P. 62, 75; Липшиц Е.Э. Законодательство и юрисдикция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. Приложение: “Рассуждения о голых договорах”. Текст, перевод с греческого и комментарий. С. 195–228. Ср. данные кодекса Арменопула, согласно которым: «Если кто-либо располагает собственностью, находящейся в юридическом владении у другого лица, то он имеет лишь “голую собственность”». Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμον ἢ Εἰσαίτιος / К.Г. Πιτσάκης. Αθήνα, 1971. Кн. II. 2. Σ. 99. (Далее: Арменопул).

⁴ Levy E. *West Roman Vulgar Law...* P. 19; М.Я. Сюзюмов утверждает доминирование полной собственности в Византии, ссылаясь на 114 новеллу Юстиниана (Экономические воззрения Льва VI // ВВ. 1959. Т. 15. С. 35). Полная собственность зафиксирована в праве Юстиниана (C.J. 8, 55 (1) pr (249)).

⁵ Собственность в классическом римском праве определялась достаточно кратко через перечень ее основных качеств: прерогативы права пользования, получения плодов, права владеть, распоряжаться. Levy E. *Op. cit.* P. 71; Хвостов В.М. Система римского права. Ч. II. Вещное право. М., 1901. С. 2–3.

⁶ Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 54, 98; Смирин В.М. Римская familia и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М., 1988. С. 29. Собственность ограничивалась также правами на чужую землю. Хвостов В.М. Система римского права. С. 8 сл.; Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 49; Смирин В.М. Указ. соч. С. 28.

⁷ Levy E. *Op. cit.* P. 2, 21, 27.

⁸ Ibid. P. 61.

⁹ Ibid. О расширении значений указанных терминов писал еще Фюстель де Куланж. См.: История общественного строя древней Франции. Т. IV. СПб., 1907. С. 4; Ср.: Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 57.

¹⁰ Levy E. *Op. cit.* P. 62.

Изменившаяся система употребления названной терминологии и, следовательно, понимания соответствующих правовых проблем, на наш взгляд, во многом связана с реформой Диоклетиана, который, как известно, распространил существовавшее ранее только на итальянских землях право собственности на землю в провинциях, в том числе и земли будущей Византии. До этой реформы провинциальные земли рассматривались как владения тех лиц, которым они принадлежали, тогда как собственность на эти земли была достоянием вначале римского народа, а позднее – императора. В последующую эпоху вульгарного права, особенно в эпоху Константина, итальянские и провинциальные земли все более и более уравнивались в правовом отношении, о чем свидетельствует постепенное распространение налогообложения на итальянские владения. Соответственно и те, и другие земли могли обозначаться или “владение”, или “собственность”, демонстрируя сближение и даже смешение названных и понятий, и терминов¹¹.

В рассматриваемую эпоху, как полагают некоторые специалисты, мы сталкиваемся с предпосылками формирования на Западе будущей феодальной собственности, характеризующейся сочетанием *dominium directum* и *dominium utile*, собственностью “*dominium duorum in solidum*”¹². Черты, отличающие подобного рода собственность, в III–V вв. были характерны как для Западной, так и Восточной Римской империи.

В задачи данной работы входит рассмотрение дальнейших судеб реального фактического и юридического статуса и понятий “собственность” и “владение”, а также прав на чужую землю в Византии. Последующее после эпохи вульгарного права развитие правовых отношений в Византии и на средневековом Западе происходило разными путями. В Византии римское право претерпевало ряд изменений, происходивших в результате переработки информации, относящейся к праву как классического, так и вульгарного периодов. Эта переработка состояла в интерпретации смыслового содержания понятий, создании их нового смысла, акцентировании некоторых новых аспектов смыслового содержания этих понятий. На Западе происходил сложный правовой синтез местных обычаев, варварского права и римских правовых традиций, относящихся преимущественно к периоду вульгарного права. Некоторые проявления местного западного права оказались по своему содержанию близкими к нормам римского права (например, аллод), однако до периода рецепции римского права на Западе там господствовал смешанный, постоянно формирующийся и изменяющийся правовой порядок. Другое дело Византия. Переработка информации римского права, равно как и использование готовых норм этого права, происходили на протяжении всей византийской истории, сочетаясь с правотворчеством императоров. В итоге этих процессов создавались кодификации римского права, издавались императорские новеллы, возникло зафиксированное в актах право прецедентов.

Особенно нас будет интересовать юридический и фактический статус собственности в поздней Византии, обеспеченной значительным массивом актового материала. Мы не согласны с мнением Е. Леви, который полагал, что именно восточное влияние явилось одной из причин смешения в рамках

¹¹ Ibid. P. 71.

¹² Ibid. P. 67 sq.

вульгарного права понятий, а также соответствующих терминов, обозначающих собственность и владение¹³. Далее исследователь, вопреки данному своему утверждению, отмечает противопоставление в папирусах терминов “собственность” и “владение”¹⁴.

Однако, учитывая историческую перспективу, а именно судьбы римского права в Византии, в частности достаточно четкое различие понятий “собственность” и “владение” в актовом материале поздней Византии, о чем подробно речь пойдет впереди, вряд ли можно утверждать восточный характер тенденции к смешению названных понятий и терминов. Видимо, смешение понятий “собственность” и “владение” в эпоху вульгарного права, в период бурных политических событий определялось в значительной мере тем, что в юриспруденцию и правовые отношения вторгся деловой язык повседневности. На территории Византии, кроме того, было заметно влияние греческих нотариальных документов с их подробными характеристиками. На Западе первенствующим доминирующим фактором в смешении названных понятий и терминов являлась начавшаяся ломка доминировавших ранее структур и влияние варваризации.

Что же касается эпохи Юстиниана в Византии, то она связана со значительными изменениями в трактовке названных понятий по сравнению с эпохой вульгарного права. При Юстиниане мы сталкиваемся с образцами новых форм переработки правовой информации, отражающих механизм формирования правовых отношений и правового аппарата в новую христианскую эпоху византийской истории.

При Юстиниане преобладала тенденция различения собственности и владения. В Дигестах, например, а затем в Василиках мы встречаемся с таким утверждением: “владение полем отличается от права собственности”¹⁵. Право Юстиниана, как правило, в духе классического права рассматривало владение как характерный признак собственности, а также одну из причин возникновения собственности¹⁶. Подобные определения встречаем затем в Василиках и у Арменопула, где утверждается, что владение – это обладание вещью со стороны того, кто намерен господствовать над ней¹⁷. Речь идет, таким образом, об *animus possidendi*, *animus domini* классического права¹⁸. Как видно, право юридического контроля над землей, как и в классическую эпоху, ассоциировалось с правом собственности. Источником собственности, по Арменопулу, являлся также наем земли¹⁹. Этот юридический казус свидетельствует об известных отличиях от классического римского права, в рамках которого наем не рассматривался как вещное право и не порождал собственности. Далее, по Арменопулу, право давности порождало собствен-

¹³ Ibid. P. 69.

¹⁴ Ibid. P. 69. Not. 294.

¹⁵ Digesta // Corpus Juris Civilis. Vol. I. Berolini, 1954. 16, 115. (Далее: D.); Basilicorum Libri LX / Ed. H.E. Scheltama, Wal N. van der, Holwerda D. Groningen. 1953 sq. II, 112. (Далее: Bas). Cp. D. 6. 2. 7.6.

¹⁶ Codex Justinianus // Corpus Juris civilis / Ed. P. Küger, R. Schoell, G. Kroll. Vol. II. Berolini, 1959. 7. 16.5.2; C.J. 8. 22. 3; C.J. 8. 55. 1 pr. (249); C.J. 3. 39. 3; 4. 21. 8 (287). (Далее: C.J.); *proprietas possessionis*; *jus possessoris* – C.J. 2, 50, 3; D. 6. 2. 76; D. 16. 35: “διὰ τῆς χρήσεως δεσποτείας ἀλοχτασθήσῃ”.

¹⁷ Bas. II. 2, 33; Арменопул. II. 1. C. 98.2.

¹⁸ Levy E. Op. cit. P. 48.

¹⁹ Арменопул. II. 1. 2. C. 98.

ность²⁰. Физическое владение, опять же, как и в классический период, отличалось от юридического²¹. Последующий период и особенно эпоха поздней Византии (XIII–XV вв.) демонстрируют дальнейшее укрепление тенденций, характерных для периода Юстиниана и свидетельствующих о различении собственности и владения. Визуальная оценка актового материала позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой собственность и владение в поздней Византии строго различались, при этом владение являлось признаком собственности. Анализ терминологии, осуществленный с целью аргументации данной гипотезы, позволил сделать следующие выводы. Имеющиеся акты, рассматриваемые с точки зрения употребленной в них терминологии, обозначающей собственность и владение, могут быть подразделены на следующие группы. Прежде всего следует выделить императорские жалованные грамоты (простагмы и хрисовулы), изданные с целью пожалования крупным афонским монастырям собственнических прав на земельные владения. В этих актах содержатся наименования собственности (δεσποτεία, κυριότης), а также говорится о праве собственника на владение землей (νομή, κτήση). Иными словами, владение классифицируется как признак собственности²². Поскольку владение – это фактический контроль над землей, то в императорских актах, посвященных освобождению монастырских владений от налогов, обычно использовались только термины, обозначающие владение²³.

Факт, что обозначение “собственность” обычно присутствует в императорских документах, свидетельствует о том, что императорские земельные пожалования становятся важнейшим источником собственности. В некоторых случаях в значении “собственность” употребляется выражение “гоникон”, не имевшее точного юридического смысла, а обозначающее наследственное владение. Используются и некоторые другие выражения, такие, как пожалование “навечно”, “на века”, “прочно, неотчуждаемо”, также лишённые четкого юридического смысла, свидетельствующие о проникновении в акты обыденного языка²⁴. В частности, “гоникон” употребляется и для обозначения наследственной прони²⁵. В некоторых случаях форма собственности является расширенной, т.е. в расшифровке права собственности упоминаются и такие ее признаки, как узупфрукт или хресис, а также право производить на земле различные улучшения²⁶. Термин “хресис” редко встречается в актах, вместо него говорится о праве извлекать весь и всякий доход²⁷. Тот же принцип упоминания в одном и том же акте собственности и владения, и прав на доход содержится в актах дарения и купчих, оформляющих акт покупки-продажи земли²⁸. В этих документах термины, обозначающие

²⁰ Ibid. 6, 7.

²¹ Ibid. 1. 2. С. 98.

²² Actes de Lavra. Vol. II / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. N 71. P. 9, 31, 36, 39; P. 10, 46, 49, 62, 74, 99; N 72. P. 14. 26, 34; P. 15. N 89. P. 76. 203; P. 73. 71, 74; P. 74.76, 78, 122; N 103. P. 161.24.

²³ Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. P., 1968. N 6. P. 63.9; N 26. P. 154.3, 15.

²⁴ Ibid. N 11. P. 85.2; Actes de Lavra. Vol. II. N 71. P. 9. 27, 32; N 94. P. 128.31; N 92. P. 119.8, 11.

²⁵ Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. N 6. P. 97.7; Actes de Dionysiou. N 11. P. 85.2.

²⁶ Actes de Lavra. Vol. II. N 79. P. 48.7; N 116. P. 298.11, 19.

²⁷ Ibid. N 76. P. 35.13–14; N 77. P. 42, 113.

²⁸ Ibid. P. 158.7, 16–17; N 98. P. 139.27; Actes de Xénophon. N 20. P. 165.35; N 8. P. 207.27.

владение, как и в императорских актах, изданных по поводу пожалования земли в собственность, уточняли и разъясняли обозначения собственности. Иная терминология, как правило, распространена в практиках, в которых преобладают выражения, относящиеся к владению, и упоминания собственности обычно отсутствуют²⁹. Это объясняется тем, что целью составления практика являлось отведение получателю тех земель, которые были ему пожалованы властями и пожалование которых оформлено императорскими жалованными грамотами. Иными словами, практик составлялся с целью введения собственника во владение пожалованной ему собственности. Другое назначение практика – подтверждение границ имеющихся владений. В любом случае практик составлялся с целью фиксации факта реального владения землей со стороны конкретного юридического лица.

Анализ как законодательных памятников, так и актового материала показывает возрастающую во времени роль понятия “собственность” и его производных. Об этом говорят также выражения, имеющиеся в Василиках и у Арменопула, где обозначения собственности сочетаются с наименованием других прав на землю³⁰, а также расширенная характеристика собственности в жалованных императорских грамотах.

Далее мы специально обращаемся к рассмотрению роли собственности в поздневизантийском обществе, а также анализу ее структуры, понимания собственности современниками и ее обозначений.

В некоторых византийских практиках мы находим сведения о различных видах земельной собственности, существовавших в поздней Византии. А именно, имела распространение собственность архонтов (аристократии), государственные земли фиска, императорские домены, а также собственность церквей и монастырей³¹. Сохранившийся актовый материал относится в основном к двум последним категориям собственности. Не только в поздневизантийский период, но и ранее эти виды собственности развивались по восходящей линии, но их структура претерпевала изменения. Обратимся к источникам. Специфической чертой положения церковной и монастырской собственности было правило, по которому возведение храма или создание монастыря должно было всегда происходить на земле, собственность на которую принадлежала соответствующему религиозному учреждению. Среди дополнительных 17 правил (канонов) Константинопольского собора 861 г. первые шесть относятся к монашеской жизни, и первое из них содержит запрещение лицу, пожертвовавшему свое имение для устройства монастыря, сохранять свои собственнические и владельческие права на соответствующие земли и сам монастырь³².

Как видно, подобная правовая ситуация означает отход от принципа *superficies solo cedit* классического римского права, который продолжал сохраняться в отношении иных построек не религиозного, а гражданского и хозяйственного назначения. Иногда земля, на которой ктитором возводился храм или создавался монастырь, передавалась государством ктитору в дар, а

²⁹ Actes de Lavra. Vol. II. N 76. P. 35.13–16; N 17. P. 42.109; N 93. P. 121.22–23; N 95. P. 125.11; N 99. P. 143.8; N 105. P. 173.26; N 109. P. 277.995; N 110. P. 279.12–13; N 111. P. 294.46.

³⁰ Bas. II. 2, 33; Арменопул. II. 1. С. 98. 2: “νομή ἐστὶ ψυχῇ δεσπόμενος κατοχή”.

³¹ Actes de Lavra. Vol. II. N 71. P. 11.91–92; Actes de Xénophon. N 15. P. 139.2–4.

³² Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1903. С. 43; Полный православный энциклопедический словарь. Т. II. Репринт. М., 1992. С. 1193.

затем переходит религиозному учреждению. В 104-й новелле Льва VI утверждается названное юридическое правило. Сообщается, что земля, бывшая ранее государственной, в случае, если на ней построено религиозное учреждение, уже не рассматривается как таковая, а является переданной без всяких ограничений соответствующему учреждению в дар, т.е. в собственность³³. В этой связи характерны и другие документы. Хрисовул императора Алексея I Комнина монаху Христодулу от 1088 г. предоставлял монаху остров Патмос в вечную собственность, однако при условии, что получатель дара построит на острове монастырь³⁴. Этот документ свидетельствует о двух правовых явлениях, характерных для монастырской и церковной собственности и создающих новые правовые прецеденты по сравнению с классическим и вульгарным правом. То обстоятельство, что остров в целях возведения монастыря даруется императором именитому монаху в полную собственность, показывает еще раз отсутствие правила *superficies solo cedit* для монастырей и церквей. Однако несмотря на то что собственность называется полной, по существу, она являлась условной, т.е. земля передавалась Христодулу на условиях создания на ней монастыря.

Сведения относительно возведения церкви на земле, принадлежавшей на правах собственности ктитора, содержатся в новелле Василия II от 996 г.³⁵, из которой узнаем, что свободные крестьяне создавали церкви на земле, принадлежавшей им на правах собственности. Затем крестьянин-ктитор приписывал с согласия односельчан свой участок этой церкви, становился монахом и поселялся у церкви до конца своей жизни. Также поступали и другие крестьяне. Таким образом, как говорится в новелле, появляются несколько монахов и возникает монастырь. Однако после смерти монахов случалось так, что епископ или митрополит присваивали себе церковь и объявляли все поселение монастырским. Новелла предписывает возвращение подобных церквей и монастырей под власть сельской общины. Нас интересует, как отмечалось, то, что в этой новелле имеется свидетельство о существовании церкви и монастыря на земле, переданной в их собственность. В целом же новелла отражает известную, неоднократно рассматриваемую в литературе практику борьбы государства за сохранение сельской общины – источника налоговых поступлений в казну. Помимо многих других выводов, которые были сделаны на основании данного документа, отметим также, что он, возможно, говорит о некоторых из путей возникновения церковных приходов. Сведения о том, что земля, на которой было сооружено религиозное учреждение, его собственность, находим и в кодексе Арменопула, где говорится, что участки земли (τόλοι), занятые храмами, являются святыми и неподчиняемыми (ἱεροί καὶ ἀδέσλοτοι). Это их состояние вечно и не подлежит изменениям³⁶.

Отмеченное отличие церковной и монастырской собственности от светских земельных владений, заключающееся в неприменимости к ним принципа *superficio solo cedit*, отнюдь не единственная их специфическая

³³ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. P., 1944. Nov. CIV.

³⁴ Βυζαντινά Ἐγγράφα της μονῆς Πάτμου. Α' Αυτοκρατορικά / Ε.Λ. Βρανούση. Αθήνα, 1980. Σ. 58.

³⁵ Jus Graeco-Romanum / Ed. I. Zepos. Aalen, 1962. Vol. I. Nov. XXVI. P. 262–272; Papagianni E. Legal Institutions and Practice in Matters of Ecclesiastical Property. P. 1058. Not. 42.

³⁶ Арменопул. II. 61. С. 106.

черта. Об этом говорит тот факт, что крупные монастыри, как правило, освобождались от уплаты такого налога, как коммеркий³⁷, от внесения которого были свободны еще только находившиеся в империи на особом положении итальянские купцы. Привилегированный статус церквей и монастырей не спасал их, однако, от частой конфискации земельных владений, осуществляемой государством. В периоды обострения внешней обстановки императоры в интересах “общего блага” и, пользуясь своими исключительными политическими прерогативами, нередко передавали некоторые монастырские земли проиарам³⁸.

Подобные акции были нарушением постановлений церковных соборов. Действительно, 24-е правило IV Халкидонского собора 451 г. гласит, что посвященные по воле епископа монастыри должны навсегда сохранять свой статус и не могут обращаться в помещения светского характера. Кроме того, за монастырями должно сохраняться все их имущество³⁹. Седьмой Вселенский собор 787 г. в своих 12-е и 13-е правилах также запрещает отчуждение имущества, принадлежащего епископиям и монастырям. В случае же, если названное имущество не приносит никакой выгоды, то позволительно уступить его в пользование клирикам и земледельцам, но не местным динатам⁴⁰. Вероятно, в таких случаях использовался эмфитевсис. На поместном Карфагенском соборе 419 г., занимавшимся устройством дел Африканской церкви, было принято 11-е аналогичное правило о неотчуждаемости церковных земель. В случае, если земли не приносят дохода, то решение об их судьбе должен был принимать совет епископов⁴¹. Можно обнаружить истоки этих канонов-постановлений в сакральном римском праве, запрещавшем отчуждение храмовых имуществ⁴².

В принципе по юридической силе каноны и законы со времен Юстиниана приравнивались в Византии друг к другу⁴³. Выбор же диктовался практическими соображениями (подробно ниже). Постановления, содержащиеся в императорских жалованных грамотах, касающиеся временного отобрания монастырских земель, приравнивались к законам, но с точки зрения современного знания, могут быть расценены как право прецедентов, игравшее в Византии огромную роль. Кроме того, подобная практика восходит к римской государственной практике. Фиск в Риме не только мог конфисковать частные земли, но и продавать их⁴⁴. В данном случае обнаруживаются сильные как политические, так и законотворческие прерогативы императоров, их манипулирование законами и постановлениями. Об этом говорит уже то, что подобные факты конфискации в актах расценивались как вызванные

³⁷ *Хвостова К.В.* Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992. С. 45.

³⁸ Там же.

³⁹ *Бердников И.С.* Указ. соч. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 30. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1191.

⁴¹ *Бердников И.С.* Указ соч. С. 42. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1193.

⁴² *Voelkl L.* Die Kirchenstiftungen des Kaisers Konstantin im Lichte des römischen Sakralrechts. Köln, 1964. S. 11.

⁴³ *Actes d'Ivion. Vol. III / J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, V. Kravari.* P., 1994. N 66. P. 129.33; P. 79. 11. Cod. Just. I. 3, 44. 1; I, 2. 12.1.

⁴⁴ *Хвостов В.М.* Система римского права. С. 4–7.

экстремальными ситуациями. Обычно отобранные и пожалованные прониарам монастырские земли заменялись императором на другие равноценные⁴⁵. Еще И. Шевченко полагал, что подобные мероприятия властей отражали борьбу прониаров и монастырей⁴⁶. Мы считаем, что этот вывод не достаточно убедителен. По отношению к Византии, если сравнить ситуацию с Западом, где в средние века велась борьба сословий за свои права и за создание гражданского общества, вряд ли целесообразно говорить о таком социальном факторе, как политическая борьба каких-либо социальных группировок между собой или за ограничение императорской власти. Среди монахов, как известно, были многие бывшие крупные прониары. Из монашеской среды выходили видные дипломаты, монахами становились бывшие политические деятели. Государство с помощью подвластного ему бюрократии и в целом режима, восходящего к эпохе домината, более или менее успешно манипулировало социальными группами общества. Государство, основанное на сакральных идеях политической ортодоксии и переосмысленной с христианских позиций античной правовой и политической доктрине, определяло лицо Византийской империи и цивилизации. Богословие составляло фундамент различных идеологических, в том числе социально-экономических течений. Отдельные конфликты между императорами и церковными иерархами носили характер, отличный от борьбы церкви и государства на Западе, в основе которой лежал принцип оспаривания первенства. Структурные особенности Византийского государства, его восходящий к античности сакральный характер показывают, что можно констатировать лишь внешнее, но не сущностное сходство с известными фактами конфискации церковных земель на средневековом Западе. В целом в XIV–XV вв. монастыри оказались все же более защищенными. Что же касается проний, то, несмотря на распространенное мнение, согласно которому прония приобретала все большее значение в общественной структуре поздней Византии, она претерпевала кризис. Об этом свидетельствуют факты сдачи проний монастырям в аренду⁴⁷ или даже их продажа⁴⁸. Права монастыря на арендованные пронии описывались терминами, обозначающими владение⁴⁹.

В литературе, как известно, широко распространено мнение, согласно которому прония не являлась собственностью. Это лишь пожалование налоговой квоты за службу. Однако, думается, что было бы точнее характеризовать пронию как земельное обеспечение соответствующей налоговой квоты. Вне всякого сомнения, в ряде случаев прониар приобретал фактический контроль над землей. Основываясь на этих фактах, ученые середины XX в. рассматривали пронию как собственность⁵⁰. Нам представляется, что подобная точка зрения имеет под собой основание. Действительно, прония не может рассматриваться как собственность с позиции римского классического права. Но, как отмечалось, в условиях Византии классическое римское право со времен Юстиниана, хотя и занимало вновь главенствующие позиции,

⁴⁵ *Хвостова К.В.* Социально-экономические процессы в Византии. С. 45.

⁴⁶ *Ševčenco J.* Anti-Zealot // DOP. 1957. Vol. 11. P. 153–157.

⁴⁷ *Actes de Xénophon.* No 6. P. 97.17.

⁴⁸ *Ibid.* N 6. P. 97. 17, 19.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Острогорски Г.* Пронија. Прилог историји феудализма у Византије и у јужно-словенским земљама. Београд, 1951.

однако сочеталось с вульгарным римским правом. Наряду с этим, как уже также отмечалось, развивалось собственное византийское право, функционировавшее в основном в виде права прецедентов. Согласно вульгарному праву с его смешением собственности и прав на чужую землю, равно как и соответствующей терминологии, прония вполне может быть названа собственностью. Эта собственность являлась новым видом собственности, существовавшей в рамках вульгарного римского права и византийского права прецедентов. Ее наследственный характер обозначается выражением *κατὰ λόγον γενεῆς*⁵¹. Для характеристики прав прониара на соответствующую землю употребляются выражения, обозначающие владение, что подтверждает наличие реального контроля над землей. Статус пронии, являвшейся результатом действия права прецедентов, но одновременно восходящей к вульгарному римскому праву – одна из специфических особенностей поземельной собственности в Византии.

Некоторые специфические черты характеризовали и монастырскую собственность. В одном из актов афонского прота, адресованном трем именитым монахам, содержатся сведения о передаче им на срок их жизни ряда земельных владений и келий в Карее. После смерти последнего монаха из трех, получивших совместный дар, все владения, составлявшие этот дар, должны вернуться вновь под власть протата. Для характеристики прав протата как юридического лица, представителем которого являлся прот, равно как и прав временного распоряжения названным имуществом со стороны монахов-получателей временного дара, употребляются одинаковые термины, обозначающие собственность (*δεσπόζω, δεσποτέα*)⁵². Как видно, протат сохранял верховные собственнические права по отношению к уступленному во временную собственность имуществу. Мы встречаемся с правовым прецедентом временной иерархической собственности, существовавшей в рамках собственнических прав религиозных учреждений.

В некоторых случаях прот передает крупному монастырю в дар определенные владения. Условием передачи является восстановление разрушенных построек или улучшение состояния построек, находящихся в плохом состоянии. Для характеристики прав получателя употребляются выражения, обозначающие владение⁵³. Эти же выражения часто используются для характеристик других ситуаций, а именно, для фиксации земельной зависимости небольших келий от крупных монастырей⁵⁴. В некоторых актах права протата на землю обозначаются как собственность, а права монахов, в руках которых реально находятся эти земли как владение⁵⁵. Иногда не прот, а частное лицо – ктитор передает клирикам, монахам или крупному монастырю келии или небольшие монастыри. Нередко при таком пожаловании жалователь сохраняет за собой право на получение в течение всей жизни определенных доходов с соответствующего имущества. После же смерти жалователя получатель приобретает право полной собственности и владения на

⁵¹ Actes de Xénophon. No 6. P. 97.7; Actes de Dionysiou. N 11. P. 85.2.

⁵² Actes de Dionysiou. N 7. P. 72. 10–12.

⁵³ Ibid. N 18. P. 153. 6, 10; P. 154.28.

⁵⁴ Ibid. N 18. P. 153. 6, 10; P. 154.28.

⁵⁵ Actes de Dionysiou. N 7. P. 72.10; N 9. P. 79.3, 4, 24; N 23. P. 130.5, 29; N 24. P. 133.19, 22, 26; P. 135.5, 31.

данный объект. Эти его права обозначаются и как собственность, и как владение⁵⁶.

Все эти факты свидетельствуют о путях формирования усложненной структуры монастырского землевладения, регламентируемого, по-видимому, не столько канонами, сколько гражданским правом. Перед нами вновь результаты дозволенного в кодексе Юстиниана выбора между канонами и законами. В данных случаях, как и во многих других, предпочтение было отдано гражданскому праву, т.е. его постановлениям, имеющим силу формирующегося права прецедентов. Что же касается канонов, то их постановления по данному сюжету расходятся с выбранными в практических целях правилами права прецедентов. Действительно, 6-е правило из 17-ти дополнений к постановлению Константинопольского собора 861 г. гласит: "Монахи не должны иметь никакой собственности, но им принадлежащее утверждается за монастырем"⁵⁷. Вступающий в монастырь передает монастырю власть над своим имуществом. Правда, до момента вступления будущий монах мог свободно распорядиться своей собственностью: продать, подарить и т.д. Это правило собора по смыслу совпадает с 123-й новеллой Юстиниана⁵⁸. Однако в 5-й новелле Льва VI данное правило изменилось. Монах получает право иметь свое хозяйство и передавать его по наследству и по завещанию⁵⁹. Именно эта новелла, видимо, и определила дальнейшее развитие соответствующего византийского права прецедентов, отраженного в актовом материале и связанного с усложнением структуры монастырской собственности.

Эта структура, повторяем, характеризует неполную иерархическую, иногда условную собственность монастыря, клириков, монахов, келий. В системе подобных прецедентов встречаются и такие, когда получатель дара, в частности крупный монастырь в лице своего игумена, мог не только передать полученный на срок жизни дар другому лицу, но и оставить его наследникам. Для характеристики прав монастыря употребляется термин "собственность"⁶⁰. Известны случаи, когда дар частного лица монастырю оказывался частичным. Часть имущества, например дома, продавались этому монастырю. При этом использовалась стандартная терминология, относящаяся как к владению, так и собственности⁶¹. Обозначения владения, как всегда, расшифровывают обозначения "собственности". Об этом свидетельствует акт продажи частным лицом клирику церкви Ассоматов в Фессалонике принадлежавшего этому лицу на правах собственности дома, построенного на церковной земле⁶². Земля, на которой стоял дома, была арендована продавцом у церкви, т.е. мы встречаемся с действием правила *superficio solo cedit* в отношении гражданских и хозяйственных построек.

Данные о других чертах условного, специфического характера некоторых видов монастырской собственности содержатся в серии императорских

⁵⁶ Actes de Xénophon, N 20. P. 164.9; P. 165. 31–33, 35.

⁵⁷ Бердников И.С. Указ. соч. С. 43. Полный православный богословский энциклопедический словарь. С. 1193.

⁵⁸ Nov. Just. 123.38.

⁵⁹ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. Nov. V.

⁶⁰ Actes de Dionysiou. N 12. P. 87.8; P. 89.33.

⁶¹ Actes de Xénophon. N 10. P. 114.24–25. Понятие "хресис" в этих ситуациях, как и в других, встречается редко. Оно скрывается под выражениями "иметь, владеть".

⁶² Ibid. N 9. P. 109.22.

пожалований начала XV в., касающихся передачи монастырю Дионисия бывшей пронии в деревне Марискин на Касандре⁶³. В первом документе этой серии в хрисовуле Иоанна VIII от 1408 г. говорится о пожаловании деревни монастырю в полную собственность⁶⁴. Однако в последующих документах сообщается о том, что пожалование сопровождается рядом условий. Монахи на свои средства должны были построить в Марискине укрепление (пирг) для защиты населения от внешних нападений⁶⁵. В отдельных документах относительно данного поселения отсутствует обозначение “собственность”, но говорится о владении⁶⁶. Монахи так и не построили пирг. Эту миссию взял на себя деспот Андроник Палеолог, который взимал определенные подати с людей, поселенных на данных землях, но после смерти деспота эти доходы должны были поступать монастырю⁶⁷.

В последнем из рассмотренных документов также отсутствует обозначение “собственность”, но оно имеется, вопреки распространенной на этот счет тенденции, в акте передачи земель на Кассандре, осуществленном четырьмя апографевсами в 1421 г.⁶⁸ Уже эти немногие, рассмотренные выборочно сведения еще раз подтверждают тезис о том, что собственность и владение в поздней Византии не совпадали. Эти акты показывают также отсутствие предельной четкости в употреблении терминологии, но одновременно и наличие определенных тенденций в использовании понятий “собственность” и “владение”. Владение – это проявление собственности, характеризующее ее в духе классического римского права как фактический контроль над землей.

Сложные формы землепользования, которые существовали в Византии преимущественно на монастырских землях, обнаруживают несводимость всех отношений собственности к наиболее распространенной в империи полной и безусловной собственности. Эти формы земельных отношений в монастырских владениях, вероятно, складывались в Византии задолго до XIV в., к которому относится большая часть сохранившегося актового материала. В то же время, по всей вероятности, в поздней Византии, когда монастырское землевладение увеличивалось в размерах, а роль монастырей возрастала, этот процесс ускорился. Кроме того, в период возрастания внешней опасности экономика приходила в упадок, сельское население постоянно мигрировало, распространялась временная аренда, условные владения.

В целом специфика византийских земельных отношений с преобладанием полной собственности и наличием условных временных владений к поздневизантийскому периоду обнаруживалась в полном объеме. Это явление имело место (в отличие от средневекового Запада, где подобного рода земельные отношения, внешне похожие на византийские, также существовали) в условиях сильной авторитарной власти, отсутствия феодальной вассальной иерархии западного типа, четкого разграничения в правовой теории Византии частного и публичного права и власти.

Последний фактор имел особенное значение. На Западе, как известно, происходило не только смешение понятий “собственность” и “владение”, но

⁶³ Этот документ показателен как свидетельство пожалования монастырю бывших проний.

⁶⁴ *Actes de Dionysiou*. N 10. P. 83.7, 10–13.

⁶⁵ *Ibid.* N 13. P. 91.

⁶⁶ *Ibid.* N 16. P. 103. 7–8.

⁶⁷ *Ibid.* N 17. P. 106.

⁶⁸ *Actes de Dionysiou*. N 20. P. 120.6; P. 121.33.

и в значительной мере смешение частных и публичных прерогатив. В условиях византийской автократии, сохранения разветвленной налоговой системы, не слившейся с рентными отношениями, как на Западе, государство было заинтересовано в сохранении свободного крестьянского землевладения – источника уплаты налогов – и на протяжении длительного времени принимало энергичные меры по разграничению частного и публичного права. Например, динатам запрещалось внедряться в свободную крестьянскую общину⁶⁹. В поздней Византии, однако, внешняя угроза и экономический кризис заставили власть прибегнуть к мерам, направленным на поддержание крупного землевладения, благодаря чему четкая грань между публичным и частным правом оказалась менее ощутимой. В результате пожалования крупным собственникам податного иммунитета, налоги, от уплаты которых собственник освобождался, не упразднились, а взимались им в свою пользу, выполняя функцию земельной частноправовой ренты.

Это, естественно, означало возникновение элементов слияния частного и публичного права. Однако и в поздней Византии в теории публичное право противопоставлялось частному. Об этом свидетельствуют, например, известные слова Никифора Григоры, противопоставившего управление государством по законам ромеев, при котором правитель является императором, а не господином, управлению по обычаям латинян, при котором правитель уподобляется господину⁷⁰.

Итак, византийская земельная собственность до конца существования империи сохраняла свои специфические черты, отличавшие ее от собственности, как на средневековом Западе, так и в эпоху античности. Содержание римского права перерабатывалось в Византии с учетом новых христианских ценностей. Идеи римского права инкорпорировались в восточнохристианские представления. В результате возникал новый менталитет, новые социально-правовые концепции и соответствующие реалии, характеризующие византийскую цивилизацию. Одной из определяющих черт этой цивилизации было непосредственное влияние богословия на осмысление современниками социально-экономической реальности и на саму реальность. Это влияние, обусловившее сакрализацию общества, детерминировалось тесной связью государства и церкви, так называемой византийской политической ортодоксией.

В данном случае речь идет о следующем. Понимание социальной роли и характера земельной собственности с позиций восточного византийского христианства нашло свое отражение во вводной части императорских хрисовул и постановлений афонского протата. Например, согласно акту прота Павла от 1089 г., реставрированный протом афонский монастырь Ксенофон вместе с его владениями, находившимися как вне, так и в пределах Афона, передается игумену Симеону. Во вводной части постановления говорится, что императоры должны в подражание Богу проявлять в отношении подданных благожелательность и щедрость, человеколюбие и прощение. Именно так, сообщается далее, поступал император Никифор III Вотаниат,

⁶⁹ Lemerle P. The Agrarian History of the Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. The Sources and Problems. Galway, 1981. P. 11.

⁷⁰ Nicephorus Gregoras. Byzantina historia graece et latine / Ed. L. Schopeni. Vol. I. Bonnae, 1822. P. 233.18.

который покровительствовал монахам, монастырям и их учреждениям. Он подтвердил старинные хрисовулы, издал новые, согласно старым преданиям и по примеру предшественников⁷¹.

Как видно, используется античная идея общего блага, с помощью которой обосновывается в частности пожалование юридическим и физическим лицам земли. Однако эта идея переосмыслена с позиций христианства и выражена с помощью христианских понятий. Что же касается христианских идей нестяжательства и бедности, то, как свидетельствует в частности выше приведенная новелла Никифора Фоки, они акцентировались в значительной мере тогда, когда обстоятельства заставляли представителей светской власти прибегать к таким непопулярным мерам, как ограничение и даже конфискация монастырских земель. Переосмысление с христианских позиций идеи общего блага в такой ситуации означает иную трактовку этой идеи, отличающуюся непосредственной связью с христианскими ценностями. Интерпретация античной идеи общего блага с христианских позиций, сопровождающаяся акцентированием разных ее аспектов, в частности заботы о подданных, содержится и в других византийских актах. Так, в хрисовуле Андроника II Палеолога афонскому монастырю Лавры св. Афанасия от 1298 г. имеется обширная преамбула (прооймий), которая обнаруживает понимание византийцами соотношения мирских институтов и божественности, говорится о роли синергии, т.е. способности человека к восприятию ниспосылаемой в мир божественной энергии и приобщении к божественной благодати. Говорится о роли божественности в земном управлении⁷². Очевидны влияние восточного богословия и идея сакральности земной жизни. В хрисовуле Андроника II Палеолога афонскому монастырю Лавры св. Афанасия от 1329 г., содержащем подтверждение собственнических прав монастыря на ряд его владений, в прооймии находим развернутое обоснование собственнических прав монастыря на большие владения в Южной Македонии, пожалованные монастырю императором в прежние годы. Монахи, говорится в прооймии, достойны получить со стороны того, кто желает их вознаградить, не деньги, поля и что-либо материальное, присущее земному, преходящему, но что-либо неизменное, не подверженное изменениям и уничтожению. Но делать подобные дары недоступно для земного и смертного. Но ведь Бог, милостивый и благосклонный, который не претерпевает ни разрушений, ни изменений, в состоянии использовать и те, и другие средства по отношению к тем из людей, которых он пожелал облагодетельствовать, так как он демиург и вечного, и преходящего. Необходимо, чтобы намеревающийся воздать должное таким людям, совершил бы это в соответствии с теми возможностями, которые ему доступны. Речь идет не о том, чтобы заплатить этим людям жалованье или дать в долг, но о том, чтобы с помощью материальных благ оказать им помощь на их пути, достойном восхищения. Ведь тот, во имя которого они подвигли себя на великую битву, является непознаваемым и невыразимым. Неуловимы и невыразимы и его благодеяния в отношении подобных людей⁷³.

⁷¹ Actes de Xénophon. N 1. P. 70.1–3.

⁷² Actes de Lavra. Vol. II. No 89. P. 73.26.

⁷³ Actes de Lavra. Vol. III / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. N 118. P. 4.1–18.

В рамках политической ортодоксии перед нами – имплицитно существовавшая, т.е., не будучи осознанной на уровне интеллектуальной рефлексии, ведущая идея византийской политэкономии, обнаруживающая несомненное влияние восточного христианства. Об этом же с определенностью свидетельствует еще один документ – акт патриарха Антония от 1389 г., в котором говорится, что обеспечение религиозных учреждений материальными средствами происходит по божественной милости, но через посредство императора⁷⁴.

Итак, результаты анализа рассматриваемых документов могут быть резюмированы следующим образом. В духе восточного христианства, византийского исихазма и в рамках политической ортодоксии, предполагающей единство церкви и государства, богословие выполняет роль основной государственной идеологии, обеспечивая при этом сакрализацию общества. При единстве, а не разъединении (как на Западе) мировоззренческого и практического уровней мирозерцания идея политэкономии понималась как попечение или уподобление императорской власти божественной и забота с ее стороны о всяком, в том числе имущественном, благоденствии подданных. Такое поведение императора соответствует его божественному предопределению, при котором император благодаря синергии воспринимает божественную энергию. Руководствуясь подобной концепцией, императоры создавали путем земельных пожалований значительные земельные богатства крупных монастырей. В то же время такая политэкономическая идея отличалась от евангельской, согласно которой собственность и материальные блага рассматривались как порождение земного суетного мира. Они осуждаются с точки зрения высшей справедливости и дозволяются только в интересах благотворительности. Евангельские идеи нашли свое отражение у многих византийских авторов, принадлежащих в целом к разным мировоззренческим направлениям: у Григория Паламы, Николая Кавасилы, у радикальной оппозиции времен гражданской войны XIV в.

Евангельские идеи на протяжении всего средневековья, как известно, имели широкое распространение на Западе. С этих позиций в XII в. Арнольд Брешианский отрицал церковную собственность, Фома Аквинский в XIII в. рассматривал собственность как мирское явление, не соответствующее божественному закону, отражающее несовершенство грешных людей. Однако развитие социально-политических отношений и идей на средневековом Западе характеризовалось нарастающей тенденцией к секуляризации общественной жизни, постепенному разъединению светского мирского и богословского уровней мирозерцания, приведшего в Новое время к их полному разделению, вершиной которого много позднее стал европейский позитивизм. В общественной жизни секуляризация проявлялась в постепенном отходе от церковного ригоризма, в нарастающей борьбе императоров и папства за первенство в земном мире. Все это отражалось в изменении земных ценностей в XII в.⁷⁵ Выразителем этих идей, направленных на ограничение как могущества пап, так и императоров, явились Марселий Падуанский, концилиаризм, легисты.

⁷⁴ Actes de Dionisiou. N 6. P. 67.18.

⁷⁵ *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностной ориентации на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. М., 1991. С. 29.

В Византии в совершенно иной социально-политической обстановке взаимоотношения церкви и государства и государственной, в том числе политической и экономической, идеологии, сохраняли свою относительную стабильность. Их можно поэтому рассматривать как признак византийской цивилизации, обозначаемый как сакрализация общественной жизни и мирозерцания. Ярким выражением этого, как отмечалось выше, было приравнивание в официальных документах государственных законов и канонов. При этом законы назывались святыми и божественными⁷⁶. Именно в силу приравнивания канонов и законов, а шире – двух уровней мирозерцания – пожалование со стороны императоров земли крупным монастырям, как и в целом любое земельное пожалование, аргументируется не только идеей благотворительности, но и свободным волеизъявлением императора (в отличие от представления о жестком предопределении Августина), подражанием Богу, понятиями энергии и синергии исихазма.

Однако несмотря на более сакральное понимание закона, в Византии по сравнению с его пониманием на средневековом Западе, во многих других проявлениях трактовка закона (в целом, а не только касающихся отношений собственности) в Византии и на Западе совпадала. Понятие закона, переосмысленное с позиций христианства, подразделялось на закон божественный, воплощающий абсолютную справедливость, естественный, означающий божественное устройство мира, данное свыше человеку в ощущение, и, наконец, закон человеческий, политический, как установление земных правителей, которые в своей деятельности следуют или не следуют естественному праву⁷⁷. Именно в интерпретации соотношения закона естественного и политического, как видим, существовало различие между Византией и Западом, и это проявлялось в некоторых рассмотренных выше особенностях собственности на землю.

Понимание политических законов, как тесно связанных с божественными установлениями, сообщаемыми в мир с помощью божественной энергии и присущей человеку синергии, явилось теоретическим обоснованием переосмысления в Византии с позиций христианской нравственности античного понятия общего блага. Закон, естественный и политический, ассоциируется со стабильным порядком вещей (τάξις – в Византии, aequitas, tranquillitas ordinis – на Западе). Всякое нарушение закона интерпретировалось в Византии как аномалия⁷⁸. Законодательная инициатива и в Византии, и на Западе принадлежала центральной власти. Соответственно как на Западе, так и на Востоке, действовало правило римских юристов, согласно которому правитель свободен от обязательного исполнения закона. Это правило вовсе не означало, что правитель может нарушать закон, это означало только подтверждение его прав на законотворчество. Поскольку рассматриваемый в данной статье статус земельной собственности тесно связан с политической, экономической и законодательной доктринами Византии, целесообразно остановиться на мнении, высказанном современным ученым-специалистом по юриспруденции Фридрихом фон Халемом. Ученый утверждает, что в Византии отсутствовало отношение к закону, как к обязательному постановле-

⁷⁶ Actes de Xénophon. N 9. P. 109.32; P. 114–115.24–26.

⁷⁷ Dig. I. 1, 1; Bas. I. 1, 2.

⁷⁸ Actes de Lavra. Vol. II. N 72.27.

нию. Закон имел будто бы этическую, а не юридическую силу. Особое значение имел авторитет личности, издававшей закон⁷⁹. На Западе же, по его мнению, произошел уникальный синтез римского права, провозглашавшего силу закона, и католичества. В результате этого синтеза, согласно Ф. фон Халему, в веру была внесена рациональность⁸⁰. Правомерно, однако, возразить, что на Западе в условиях феодализма, когда центральная власть и издаваемые ей законы были ослаблены, когда господствовали вассальные отношения, авторитет сеньера был очень высок. Возможно, в результате подобного синтеза в веру была внесена рационалистическая идея, но государственная власть, издающая законы, была на Западе слабее, чем в Византии, поэтому непонятно, почему подобный синтез способствовал возникновению на Западе уважения к закону, а в Византии – авторитета отдельных законодателей.

В действительности в Византии наблюдалось большое уважение к закону. Бесспорно, в Византии (впрочем, как и на Западе) отдельные законы пересматривались. Именно такова, например, была, как известно, цель реформаторской деятельности Льва VI⁸¹. Однако не следует упускать из виду то обстоятельство, что византийское общество отличалось большей традиционностью, чем средневековый Запад, где происходили различные процессы социально-политического, экономического, религиозного и общемировоззренческого характера, приведшие в результате к радикальному изменению структуры общества. Традиционность византийской цивилизации, которую отражала политическая ортодоксия и сакральный характер общества, не означала отсутствие каких-либо изменений. Об этом свидетельствуют выше рассмотренные отношения земельной собственности, претерпевшие различные изменения. В то же время характерен тот факт, что эти изменения в основном фиксировались с помощью норм права прецедентов и не являлись кодифицированными, одновременно не затрагивая содержания кодифицированного права. В 24-й новелле Льва VI, в которой говорится о необходимости изменения прежних законов, добавляется, что подобная ситуация является вынужденной и во многом старые законы рассматриваются как более предпочтительные, чем новые⁸². Та же идея выражена в 19-й новелле, согласно которой новые законы издаются не ради порицания старых законов, но только для того, чтобы устранить правила, не соответствующие потребностям подданных⁸³. Подобная прагматическая трактовка законов особенно ярко выражена в 95-й новелле Льва VI. В ней говорится, что в большинстве жизненных ситуаций следует обращаться к существующему закону и только в тех случаях, когда таковой отсутствует, следует издавать новый⁸⁴. Уважение к длительной правовой традиции проявляется в 22 новелле Льва VI, в которой обычай, традиция, приравнивается к закону⁸⁵.

⁷⁹ Халем Ф. фон. Историко-правовой аспект проблемы Восток-Запад // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 49.

⁸⁰ Там же. С. 26.

⁸¹ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. Nov. I.

⁸² Ibid. Nov. XXIV. P. 93–95.

⁸³ Ibid. Nov. XIX. P. 73–75.

⁸⁴ Ibid. Nov. XCV. P. 313–315.

⁸⁵ Ibid. Nov. XXII. P. 89.

Все сказанное об отношении к новым и старым законам как бы резюмируется в 47-й новелле, в которой законодатель утверждает, что изменение жизненных условий приводит к изменению законов⁸⁶.

Возвращаясь к нашей проблеме собственности на землю, можно сказать, что при регулировании собственнических отношений, представлявших первейшую значимость, соблюдалось уважение к старому закону. Выше говорилось, что после эпохи вульгарного права при Юстиниане произошел решительный поворот к трактовке собственности и владения в традициях классического периода, и эта трактовка преобладала до конца существования империи. Только в том случае, когда возникали новые иерархические и условные формы собственности, для регулирования их появлялось право прецедентов, а для понимания правового статуса прони использовали некоторые идеи права вульгарного периода.

В целом престиж римского права с его пониманием закона в Византии был выше, чем на средневековом Западе, где, как отмечалось, произошел синтез варварского права и римского вульгарного права, а далее на протяжении всего средневековья происходило правотворчество королей и императоров. Только позднее, в эпоху рецепции римского права, это последнее активно повлияло на формирование правового менталитета. Если же в период средневековья на Западе закон тем не менее пользовался большим пиететом, чем в Византии, как это утверждает Ф. фон Халем, что, впрочем, остается недоказанным, то на это имелись совершенно иные причины. А именно, в Византии в условиях наличия сильной императорской власти императоры обладали большей возможностью манипулирования в сфере правотворчества. Это могло создавать известные предпосылки для большего авторитета личности императора-законодателя, деятельность которого, согласно имплицитно существовавшей идее политэкономии, заключалась в подражании Богу, в попечении по отношению к подданным. Это попечение император осуществлял благодаря усвоению с помощью данной ему синергии ниспосылаемой божественной энергии. В силу такого понимания закон воспринимался в тесной связи с личностью императора-законодателя и его авторитетом.

⁸⁶ Ibid. Nov. XLVII. P. 185–186.